

И. Чакин (Минск)

ЭТНООБЪЕДИНИТЕЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ ЛИТОВСКОМ В XIV—XVI вв. И ПРОБЛЕМЫ СКЛАДЫВАНИЯ БЕЛОРУССКОЙ И ЛИТОВСКОЙ НАРОДНОСТИ

В XIII—XIV вв. на землях Восточной Европы сложилось мощное политическое объединение — Великое княжество Литовское, которое включало в свой состав разноэтничное население славянского и балтского происхождения. Неодинаковое социально-экономическое, политико-юридическое и этнокультурное положение различных областей государства, его полиэтничный характер и ряд других факторов обусловили одновременное протекание в рамках Великого княжества в XIV—XVI вв. разнотипных этноконсолидационных и интеграционных процессов. Изучение их как в хронологическом, так и в пространственно-географическом (ареальном) аспектах представляется эффективным при анализе этнонимической картины того времени по документальным материалам XIV—XVI вв.

Различные объединительные процессы эндо- и экзоэтнического характера, в конечном итоге, отражаются в возникновении определенных этнонимических форм (этноконов, урбанимов, этнонимов, политоимов), поэтому исследование ареалов распространения и таксономического положения последних дает возможность охарактеризовать уровни и пути консолидации белорусской и литовской народностей, а также их интеграции.

Судя по документам XIV—XVI вв., наиболее узким ареалом бытования характеризовались узколокальные этноконы, объединявшие под общим названием население отдельных сельских общин (типа "кричане", "мачане", "лучане"), в пределах которых непосредственно происходили процессы зарождения, изменения и преемственности локальных форм тех признаков, которые принято называть этническими. В основе этих общностей лежали близкородственные и соседские отношения. Несмотря на узкие

ареалы бытования каждой из отдельных этнонимических форм указанного типа, вместе они составляли подавляющее большинство сельского населения Великого княжества.

В результате социально-экономических связей, территориально-административного деления, а в ряде случаев и определенного этногенетического родства сельские общины объединялись в более крупные общности — волости, поветы, землячества. Центрами их являлись, как правило, местечки и города, которые связывали население городских общин с жителями соседних волостей как на социально-экономическом, так и на этнонимическом уровнях. Названия жителей городов и местечек зачастую достаточно устойчиво распространялись на окружающее сельское население, приобретая при этом звучание земляческих этноконов ("речичане", "свислочцы", "мозырцы", "кернаве", "майшягала", "неменчине" и др.).

Кроме урбанимов основу земляческих этнонимических определений составляли и древние "племенные" названия — "полочане", очевидно, также "туровцы", "деволтва", "нальшань", "жмудь" и др. Таксономическое положение этноконов крупных земляческих общностей в то время было высоким, что отражало общий характер федеративного и сепаратного устройства феодальных этносов, в которых зачастую преобладали земляческие, а не общеэтнические формы организации населения. Поэтому этноконы типа "полочане", "витебляне", "берестьяне", "случане", "трочане", "виленцы", "жмудинь" в документах того времени очень часто перечисляются в одном ряду как равные с такими экзо- и эндоэтнонимами, как "ляхи", "татары", "латыгове" и "лифлянты", "немцы", "московиты", "чехи", "моравы" и т.д.

Эндо- и экзоэтническое объединение населения в более широких, чем землячества, масштабах осуществлялось в XIV—XVI вв. на этнографическом (субэтническом), этническом и государственно-потестарном уровнях. Этнонимические результаты процессов консолидации населения первого из этих уровней от-

разлились на возникновении таких определений, как "белорусы" и "белорусцы" в восточной Белоруссии, "полешуки" и "полюсяне" в Полесье и Подляшье, "литвины" и "литва" в ряде западных земель Белоруссии и восточных областей Литвы (Аукштайтия). Для собственно литовцев название "литвины" являлось славянизированным экзоэтнонимическим определением, несколько отличавшимся от самоназваний "Lietuviai", "Žemaičiai". В то же время у населения западных земель Белоруссии, которое представляло собой обелорусенных балтов, понятие "литвины" выступало в качестве как самоназвания, так и названия со стороны.

По мере централизации государства и осуществления доктрины правителей "одно государство - один народ" название "литвины" начало выступать еще и в качестве политонима (т.е. определителя государственной принадлежности) для большинства жителей Великого княжества Литовского и прежде всего для белорусов и жемайтов. Этому способствовала и лингвистическая традиция соседей (поляков, русских и украинцев) называть литвинами как белорусское, так и литовское население. Правда, в отношении белорусов данный политоним зачастую употреблялся с добавлением некоторых других определений, например "литвины русского роду", "русские литвины", "литвины белорусцы", а в случаях акцентирования конфессиональных различий - заменялся на древний восточнославянский этноним "русини", который относился почти исключительно к православному населению.

В целом анализ этнонимической ситуации XIV-XVI столетий в Великом княжестве Литовском свидетельствует о том, что единичные этнонимы, которые охватывали бы основные этнические массивы как белорусского, так и литовского этносов, в это время еще только начинали распространяться из определенных центров, а этнообразовательные процессы продолжали активизироваться. Следует подчеркнуть, что аналогичные этнонимические и в целом этнические ситуации были характерны в отмеченное время почти для всех европейских этнических общностей и являлись

типичными для эпохи феодализма. Белорусская и литовская народности в этом смысле не составляли исключения.

Н. Лхнёва (Ленинград)

РОЛЬ ПЕТЕРБУРГА В НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОМ РАЗВИТИИ ЛАТЫШЕЙ И ЭСТОНЦЕВ

(к вопросу о локализации центров национально-культурных движений вне основной этнической территории народов)

На определенных этапах этнического развития латышского и эстонского народов некоторые культурные центры этих народов располагались вне территории их расселения. Первые книги на латышском языке (в XVI в.) были напечатаны в Германии и Литве, т.е. за пределами Латвии, в которой еще не было своих типографий. Первые издания на эстонском языке появились в XVII в. не в Эстонии, а в Риге, где к тому времени уже значительно развилось книгопечатание. В дальнейшем Тарту (Дерпт) становится известным центром культурной жизни не только эстонцев, на этнической территории которых он расположен, но также и латышей. С середины XIX в., в период становления национальных культур и национального возрождения, проходившего в борьбе против онемечивания, наметилась ориентация латышского и эстонского национальных движений на прогрессивные силы русского народа. С этого времени большую роль в национальном развитии латышей и эстонцев начинает играть Петербург.

В середине XIX в. в Латвии возникает младолатышское движение, знаменем которого было национальное возрождение. Начало пропаганды младолатышской идеологии было положено в 1856 г. дерптским кружком латышских студентов (К. Валдемар, Ю. Алунан, К. Барон); в 1859-1860 гг. кружок издает три книги аль-